

ПО ЛИНИИ РАЗЛОМА

ЕВРОПЕЙСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС БЕЗОПАСНОСТИ И ПОЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

Владимир КОНОБЕЕВ,
кандидат
исторических наук

За период, прошедший после распада биполярной системы международных отношений, достаточно четко проявилась региональная динамика процессов, связанных с проблемами безопасности в самом широком понимании. В отсутствие глобального противостояния двух сверхдержав, которые на протяжении второй половины XX века во многом определяли характер международных отношений на этом уровне, век XXI ознаменовал появление более широких возможностей как для регионального и межрегионального сотрудничества, так и для дальнейшего генерирования и воспроизводства региональных конфликтов, особенно на внешних границах Евросоюза.

Поскольку значительное число подобных противостояний, зародившихся еще в эпоху формирования и становления биполярной системы, до сих пор не разрешено и возможность их урегулирования относится скорее к долгосрочной перспективе, по-видимому, само явление регионального конфликта может рассматриваться как некий структурный элемент региональных подсистем. Поэтому есть смысл задаться вопросом: как конфликт может формировать или, напротив, дестабилизировать региональное пространство? Или: как выстраиваются отношения региональных и внерегиональных государств, вовлеченных в конфликты, и какие возможности существуют сегодня для разрешения коллизий, уходящих своими корнями в период уже, казалось бы, преодоленной конфронтации двух систем, но воспроизводящихся в современных условиях? Анализируя специфику потенциальных региональных конфликтов на примере польской проблемы, следует оговориться, что она в данном случае рассматривается как потенциальная конфликтогенность регионального уровня с определенным потенциалом влияния на глобальные политические процессы. В связи с этим следует отметить те особенности данного региона, которые позволяют лучше понять динамику и тенденции эволюции конфликтного потенциала и тем самым предопределяют выбор в пользу указанного уровня анализа.

Как отмечали еще в начале 1970-х годов зарубежные исследователи Л. Кантори и С. Шпигель, региональный срез дает возможность исследователю «сконструировать промежу-

точную единицу анализа» между глобальным и национальным уровнями [9, с. 36].

Наиболее современной теоретической разработкой, нацеленной на создание методологического инструментария анализа проблем безопасности на региональном уровне в контексте постбиполярной системы международных отношений, является теория региональных комплексов безопасности, предложенная Б. Бузаном и О. Уивером [10, с. 89]. Согласно ей основная динамика безопасности сосредоточивается на региональном уровне, а весь мир может быть разделен на соответствующие комплексы безопасности. При этом упор именно на региональный аспект обусловлен тем, что «угрозы безопасности гораздо легче перемещаются на короткие расстояния, нежели на длинные».

В этой концепции представлено два общих определения региональных комплексов. Первое описывает их как «группу государств, чьи первичные интересы безопасности тесно связаны друг с другом в настолько значительной степени, что их национальная безопасность не может рассматриваться в отрыве друг от друга». Во втором определении акцент делается в большей степени не на государственно-центричной структуре регионального комплекса, а на восприятии проблем безопасности политическим сообществом. В нем региональный комплекс безопасности понимается как группа единиц, чьи основные дискурсивные процессы, в границах которых политическое сообщество формирует представление о том или ином факторе как о существенной угрозе или, напротив, по-

нижает значимость угрозы (сикьюритизация и десикьюритизация), неразрывно связаны. Вследствие этого проблемы безопасности данных единиц не могут быть адекватно проанализированы или решены в отрыве друг от друга. Таким образом, второе определение охватывает более широкие аспекты безопасности, однако нерешенным остается вопрос, как быть в случае, когда угроза (к примеру, нетрадиционного характера) представляют собой опасность, однако не рассматривается политическим сообществом в качестве таковой. Необходимо также отметить, что теория региональных комплексов безопасности, несмотря на широкое понимание последней, в значительной степени концентрирует основное внимание на межгосударственных отношениях дружбы – вражды – соперничества. В то же время определение регионального комплекса, обращаясь к восприятию политическими элитами угроз безопасности, вполне может способствовать более точному пониманию того, как региональные государства, вовлеченные в конфликт, оценивают его и какие последствия влечет за собой принятие ответных мер в качестве реакции на обострение или нормализацию обстановки. При таком подходе Европа представляет собой пример регионального комплекса безопасности, в рамках которого основы негативной сикьюритизации, то есть восприятия региональных процессов как представляющих существенную угрозу, были заложены еще в военный период, а также во времена холодной войны и во многом задавались их логикой (разделение на союзников СССР и США в регионе, последующая НАТО-центристская модель системы европейской безопасности) и затем продолжили эволюционировать в достаточно автономном режиме. Следует отметить, что в пределах данного регионального комплекса существуют также и позитивные связи, к примеру общий культурно-религиозный фон, экономические взаимодополняемость и сотрудничество и так далее. Однако негативные связи обладают достаточно высоким потенциалом сохранения и регенерации (традиционное цивилизационное противостояние между Европой и Россией), поскольку «самый простой способ взаимосвязи – это связь посредством негативной динамики» [10, с. 123].

Особого изучения требует роль новых членов ЕС – восточноевропейских государств, состав-

ляющих внешние восточные рубежи Евросоюза, в налаживании нового сотрудничества с Россией и Беларусью. Эти страны в лице Литвы, Латвии, Эстонии, Польши являются зоной особого внимания в геостратегии США. Они стали инструментом воздействия и контроля США над Евросоюзом как в плане содержания и темпов развития внутрисоюзных интеграционных процессов, так и в том, что касается воздействия на характер и содержание межрегионального взаимодействия Евросоюза с Россией.

США умело манипулируют процессами интеграционного развития Евросоюза «вширь» и «вглубь», противопоставляя их друг другу, тормозя второе за счет подталкивания к первому. Это выразилось, в частности, в поощрении экспансии ЕС на Восток посредством принятия в его состав восточноевропейских стран, в том числе бывших республик СССР, преимущественно по политическим соображениям, без учета несоответствия степени их экономического развития стандартам Евросоюза ради скорейшего отторжения от влияния России.

После очередного этапа расширения Евросоюза на Восток в 2007 году США не считают указанное продвижение завершенным. При этом имеются в виду такие страны, как Украина и Беларусь, а точнее, как минимум западные части Украины и Беларуси.

В силу этого стратегического замысла США заинтересованы в поддержании режима геополитической напряженности на внешних восточных рубежах Евросоюза. Особая роль стратегического восточного плацдарма в Европе, на котором разыгрывается основное противостояние в рамках регионального баланса сил, отводится американцами Польше.

Это определяется рядом причин:

- неисчерпанностью потенциала экспансии мощи Евросоюза;
- перестройкой потсдамско-ялтинской системы европейского порядка на антироссийской основе;
- комплексом ощущений у польской элиты, вызванных наличием особых стратегических партнерских отношений с мировым лидером, сулящих геополитические выгоды;
- ростом реваншистских настроений и амбиций Польши, связанных с историческими обидами в отношениях с Россией;

КОНОБЕЕВ

Владимир Николаевич.

Родился в 1946 году в Выборге Ленинградской области. Окончил Военный институт иностранных языков (г. Москва) и аспирантуру Военно-политической академии. Служил кадровым офицером в ВС СССР и Республики Беларусь. Работал заведующим кафедрой иностранных языков в вузах Беларуси, заведующим кафедрой политологии и социологии РИВШ. С 1996 года – на госслужбе в Госсекретариате Совета Безопасности Республики Беларусь, затем – начальник управления внешней политики Администрации Президента Республики Беларусь. С 1998 по 2001 год – на дипломатической работе. С 2006 года – профессор кафедры Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

– геополитическими претензиями на восстановление исторической «справедливости» относительно сопредельных с Польшей белорусских территорий;

– активностью и претенциозностью этой страны в рамках НАТО-центристской системы безопасности Европы.

Происходящие в ней политические события в свете почти завершившегося расширения Евросоюза за счет стран Восточной Европы знаменуют собой как минимум две геополитические реалии: новую конфигурацию объединенной Европы и непосредственное соприкосновение двух центров силы – Евросоюза и России – по линии геочивилизационного разлома. Геополитическая важность «балтийско-черноморского перешейка» состоит в том, что обладание им (или контроль над ним) со стороны России (СССР) обеспечивали ей преимущество в результате «нависания» евразийского «тяжелого» монолита над раздробленной и более «легкой» Западной Европой. Так было после 1812 года, так случилось и после 1945-го. Овладение же этим «перешейком» Западной Европой вкупе с ее интеграцией уравнивает данную геополитическую ситуацию. Но даже с его утратой после 50-летнего контроля Россия остается важнейшим фактором безопасности в Европе в силу объективной необходимости выстраивания геостратегических отношений между двумя центрами силы – новой Европой в лице Евросоюза и новой Россией.

Изменившиеся политико-экономические отношения этих центров и их взаимодействие начали было развиваться в позитивном плане, однако дальше декларирования намерений дело не пошло. Вместе с тем, по мнению многих западных аналитиков, Евросоюз не оставляет надежд вовлечь в орбиту своего влияния Беларусь и Украину.

Нахождение этих стран на линии геочивилизационного разлома во многом накладывает отпечаток на выработку ими внешнеполитической стратегии поведения с обоими центрами силы. Если Беларусь ориентируется на стратегический союз с Россией при одновременном стремлении сохранить хорошие отношения с Евросоюзом, то Украина, будучи более

крупной геополитической величиной, с более разнородными западной и восточной частями, испытывает колоссальное центробежное напряжение от взаимодействия двух центров силы, в принципе чреватое ее распадом на две части. Это, кстати, показала так называемая «оранжевая революция» и продолжающаяся острая внутривнутриполитическая борьба.

И наконец, важнейшей характеристикой современного геополитического взаимодействия на Европейском континенте является выстраивание новых отношений России со странами – членами Евросоюза.

ДАВНИЙ СПОР СЛАВЯН

В целом постсоветское развитие отношений со всеми государствами Центральной и Восточной Европы проходит довольно ровно, цивилизованно и конструктивно, за исключением Польши.

Это обозначилось сразу, как только она вышла из-под сферы контроля бывшего СССР и перешла под влияние других крупных и высокоразвитых государств Евроатлантического региона, убеждая при этом себя и других в достижении подлинной независимости и самостоятельности.

Фактическая стратегия Польши, нацеленная на возрождение исторической Речи Посполитой (в настоящее время политический режим Польши именуется в ее Конституции как Третья Речь Посполитая [6, с. 227]) и связанных с этим реваншистских претензий, а также роль геополитического «передового плацдарма» США и НАТО в Европе представляют серьезную опасность для международной безопасности нашей страны.

Потенциальной угрозой в этом контексте выглядит также наличие международно-правового изъяна в двусторонних белорусско-польских отношениях. Речь идет об отсутствии пограничного договора между двумя странами как новыми самостоятельными суверенными субъектами международного права. Вместо него действует старый договор между СССР и ПНР от 1945 года, что создает основу для различных исторических инсинуаций в современной Польше по вопросу «этнических польских территорий Второй Речи Посполитой, захваченных в результате агрессии СССР 17 сентя-

бря 1939 года». Эти настроения подпитываются современными политическими оценками, изложенными в известной резолюции ПАСЕ от 28 января 2006 года № 1481 «О необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов». Присущий США современный правовой нигилизм, предполагающий, в частности, атаки на легитимность выбора исторического развития другими странами, если он сделан не на основе американской системы права, а также фактическая недействительность международно-правовой системы ялтинско-потсдамского европейского порядка позволяют США использовать в своей политике высокие технологии геополитического сепаратизма, в основе которого лежит этноконфессиональный сепаратизм («балканско-косовские технологии»). Перечисленные обстоятельства в совокупности могут создать опасную основу для использования Польши Соединенными Штатами в качестве детонатора провоцирования польско-белорусского кризиса двусторонних отношений. Достаточно подтолкнуть эту страну к объявлению о несправедливом характере советско-польского пограничного договора 1945 года как навязанного Польше «преступным тоталитарным режимом СССР». Учитывая недавно начавшуюся глубокую реорганизацию спецслужб Польши в тесном сотрудничестве со спецслужбами США, следует ожидать активизации их деятельности по провоцированию кризисной ситуации в польско-белорусских отношениях в русле геополитического сепаратизма. При этом следует отметить, что понятие нерушимости границ, принцип отказа от территориальных претензий действуют скорее в отношениях между странами внутри Евросоюза, а не на его внешних границах, что сдерживало бы экспансию Евросоюза в восточном направлении. При использовании геополитического сепаратизма как особого инструмента геостратегии США в Евразии значительное внимание уделяется фактору этнических диаспор. С американской подачи польские власти приступили к провокационной деятельности в использовании польской диаспоры в Беларуси. В 2007 году в Польше был принят закон о так называемой «карте поляка», некоем аналоге польского паспорта, который наделяет этнических поля-

ков, проживающих в Беларуси, всеми правами гражданина Польши. То есть гражданин иностранного государства наделяется польским законом фактически двойным гражданством. Предусматривается оказание этой категории лиц культурологической, гуманитарной и даже экономической помощи. Вокруг данного закона уже раскручивается крупная пропагандистская и миссионерская деятельность. Летом минувшего года эмиссары польского правительства сделали несколько пробных визитов в Гродненскую область и «явочным порядком» приступили к разъяснению сути «карты поляка» и выгод для ее обладателя (от возможности свободного передвижения по Шенгенской зоне до учебы в польских вузах и тому подобному).

Продвижение «карты поляка» в Беларусь преследует целью внедрение в сознание этнических поляков мысли о том, что они есть «поляки малы». Она, безусловно, является грубым вмешательством во внутренние дела соседнего государства и чревата насаждением в Беларуси межнациональной розни, способной вылиться в тяжелейшие межконфессиональные конфликты.

При наиболее пессимистичном сценарии развития ситуации логика последствий таких эксцессов способна привести к требованиям «культурной автономии» в местах компактного проживания этнических поляков, затем к проталкиванию идеи референдума о присоединении таких белорусских территорий к Польше. И все это будет происходить на фоне широкомасштабных информационно-психологических операций с муссированием темы о гонимой «полонии» и поправных правах человека. Таким образом, этнические поляки в Беларуси могут стать заложниками и инструментом геополитического сепаратизма балканско-косовского образца в новом технологическом формате. Попробуем понять, чем вызвана нынешняя политика Польши на российско-белорусском направлении. Пожалуй, основных причин две: историческая память и обида, а также иллюзии от изменившихся реалий и соблазн геополитического реванша в новых исторических условиях. Все это в последние годы находит выражение в реанимировании польским руководством империалистической внешней

политики маршала Пилсудского в духе антирусского мессианизма и геополитической польской доктрины «от можа до можа» (от Балтийского до Черного моря). Известно, что Ю. Пилсудский планировал создание Федерации, объединяющей Польшу, Литву, Беларусь и Украину против России [3, с. 181]. В новых исторических условиях при поддержке США

реанимируется эта идея в попытках создания субрегиональной организации в составе Евросоюза в том же составе. В данную канву вполне укладывается новый демарш Польши по наложению вето на переговоры ЕС с Россией о стратегическом партнерстве.

Что касается исторической памяти и обиды, тут, конечно, следует исходить из того факта, что русско-польские отношения действительно сильно омрачены историческим прошлым, а также из предмета так называемого польского вопроса для Европы и для России [8, с. 215].

Исторически Польша всегда была плацдармом для вторжения в Россию. Именно ее территория задействовалась для этих целей в свое время Швецией, Францией, дважды Германией. Угроза, исходившая с этой стороны на протяжении веков, запечатлелась в исторической памяти русского и белорусского народов. Да и сама Польша неоднократно пользовалась периодами слабости России для завоевания исконно русских земель [1, с. 190]. Достаточно вспомнить хотя бы острый династический кризис, переросший в социальный, а затем и общенациональный, известный под названием «смутное время» (1598–1613 годы), когда Польша захватила Смоленскую, Северскую и Черниговскую области. В результате этой интервенции вместе со Швецией на какое-то время большая часть русского государства вместе с Москвой оказалась в руках чужеземцев [4, с. 62].

Так было и в 1920 году, когда Польша вторглась в истерзанную гражданской войной Россию, захватив Западную Беларусь и Западную Украину. В ходе этой войны тысячи военнопленных красноармейцев были уничтожены в лагерях в населенном пункте Береза-Картузская [7, с. 87].

Польша всегда использовалась крупными европейскими странами для сдерживания

усиления роли России в европейских делах в рамках известной системы «восточного барьера»: Швеция – Польша – Турция. Это давало ей возможность периодами усиливаться до огромных размеров Речи Посполитой и вести имперскую политику.

Царская Россия, как известно, отвечала Польше тем же, разделяя озабоченность Пруссии и Австрии империалистической политикой этой страны. Вот почему они совместно начали действовать в противовес политике Франции в отношении Польши, для которой она в системе «восточного барьера» была опорой в Центральной Европе. Именно Пруссия, Австрия и Россия организовали три общеизвестных, а фактически восемь разделов Польши (1772, 1793–1794, 1795, 1807, 1809, 1815, 1846, 1939 годы) [5, с. 141].

В 1772 году было положено начало решающей фазе ликвидации национальной независимости Польши, во многом спровоцированной ей самой. К началу 70-х годов XVIII века анархия в этой стране достигла катастрофических пределов [2, с. 185]. Аристократическая «демократия» при номинальной королевской власти и при наличии у шляхты права формировать собственные «сословные» воинские части неминуемо вела к параличу центральной власти и распаду государства. Естественно, судьба третьей по размерам и четвертой по населению державы Европы не могла не волновать соседей, озабоченных интересами собственной безопасности.

Польская аристократия давала немало поводов для того, чтобы придать их имперским поползновениям благопристойную и частично обоснованную мотивировку в виде защиты собственных территорий от инфекционного влияния анархии. И если «справедливость» применения к Польше карательных мер нуждалась в дополнительных доводах, то и их шляхта предоставляла в избытке своей нетерпимостью, направленной против неполяков и некатоликов.

НЕОБОСНОВАННЫЕ ПРЕТЕНЗИИ

В новых исторических условиях Польша, видимо, на сей раз с подачи США, сочла возможным реанимировать свою историческую роль антирусского плацдарма.

Сегодня, когда ЕС окончательно превращается в самостоятельный центр силы, готовый перевернуть «маршалловскую» страницу истории послевоенной Европы, уменьшить зависимость от американского «ядерного зонтика» и выстраивать с Россией отношения стратегического партнерства, американцам очень нужен послушный партнер из числа новых стран Евросоюза. И такой почти идеальный подручный найден в лице Польши, которая, будучи уязвленной второсортностью членства в ЕС, призвана взять на себя роль лидера стран второго уровня интеграции.

Польша уже принялась усердно исполнять роль троянского коня США в Евросоюзе. Примеров тому предостаточно: от особой позиции этой страны по Ираку, по конституции ЕС, от выработки антироссийской «польско-балтийской линии» в ЕС по вопросу его политики стратегического партнерства с Россией до открытого определения своего союзника по ЕС Германии одним из «злейших врагов». Другим «злейшим врагом» устами польского президента объявлена Россия.

После таких высказываний Польше в ЕС объективно практически не на кого опереться, ибо Франция в новых условиях стала главным партнером Германии в роли «локомотива» европейской интеграции. Две страны сумели перевернуть страницу исторической вражды между собой в интересах единой Европы и научились мыслить иными категориями. Польша этого сделать не смогла и переносит из старой Европы в новую свою репутацию «enfant terrible» (несносного дитя) Европы.

Противопоставляя себя наиболее крупным странам ЕС в стремлении к особым (по примеру Великобритании) отношениям с США, Польша одновременно заинтересована в сближении с Украиной, делая все от нее зависящее, чтобы последняя скорее стала членом ЕС и НАТО. При этом она, вероятно, надеется, что образованием субрегионального объединения в составе Польши, Украины и стран Балтии она создаст внутри ЕС противовес Германии и одновременно новый «восточный барьер» ЕС для России, на этот раз под эгидой и при поддержке США в глобальном контексте.

Борьба между Варшавой и Москвой за политическое, культурное и военное влияние на Беларусь и Украину ведется уже пятьсот лет с

переменным успехом. Теперь польский неоимпериализм на русском, православном направлении демонстрируется все более настойчиво. Это находит проявление в небывалой активности в проведении на территории Польши мероприятий антироссийскими силами Европы и США, в ужесточении националистических позиций политических партий страны.

Национализм в данном случае означает попытку воскресить в соотечественниках генетический страх перед «угрозой с Востока», адресовать постоянные жалобы на Москву в «вышестоящие инстанции»: в Брюссель, в Еврокомиссию, в Вашингтон. Выражается он также и в претензиях Польши на то, чтобы играть ключевую роль при выработке «единой политики» в отношении России и Беларуси. Для разыгрывания антироссийской и антибелорусской карты используются многочисленные форумы, проводимые в Польше, от традиционного уже экономического форума в городе Крыница-Збруй, проблемно-тематических научных конференций и семинаров до организации крупномасштабных акций информационной войны польских СМИ совместно с американской правозащитной организацией Amnesty International против Беларуси.

В то же время сейчас у Польши нет никакого потенциала – ни экономического, ни культурного, ни тем более военного – для того, чтобы проводить политику имперского влияния на Украину и Беларусь. Если взять нынешнюю польскую экономику, то очевидно, что в ней уже преобладает, особенно в промышленности, в основном западноевропейское и американское лицензированное производство с соответствующим «качеством», характерным для «желтой» сборки.

Зато у этой страны есть сегодня напористая, амбициозная, проамериканская, радикально-националистическая элита, которую политические лидеры призывают вести себя «гордо и решительно».

Подыгрывание Польши американским стратегическим замыслам в Европе по-крупному может привести к тому, что в Старом Свете возникнет новое противостояние по новой междоцивилизационной разделительной линии вместо ожидаемого межрегионального стратегического партнерства двух центров силы – Евросоюза и России. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Грабельский, Вл. История польского народа. – Мн.: МФЦП, 2006. – 800 с.
2. История Европы. Т. 4. Европа нового времени (17–18 века). М.: Наука, 1994. – 509 с.
3. Каррер д'Анкокс, Э. Евразийская империя: История российской империи с 1552 г. до наших дней/ Пер. с фр. – М.: РОССПЭН, 2007. – 367 с.: карты.
4. Кон, Ф. Польша наших дней. Москва – Ленинград, 1926. – 106 с.
5. Наленч, Д., Наленч, Т. Юзеф Пилсудский. – Легенды и факты. – Пер. с пол. – М.: Политиздат, 1990. – 399 с.
6. Нарыс гісторыі Польскай Дзяржавы і Народа (X–XXI стст.). Варшава.: Demart Sp.zo.o., 2005. – 312 с.
7. Советская Россия и Польша/ Издание Наркоминдела РСФСР, сентябрь 1921. – 120 с.
8. Широкоград, А. Польша. Непримируемое соседство. М.: Вече, 2008. – 448 с.
9. Cantori L., Spigel S. 1970. The International Politics of Regions. New Jersey.
10. Buzan, B., Weaver O. 2003. Region and Powers: The Structure of International Security. Cambridge.